

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ГАРМОНИЗАЦИИ  
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ  
ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ****В. Г. Гареева***Санкт-Петербургский государственный университет*

**Аннотация:** Статья посвящена анализу влияния глобализации на развитие постсоветских государств и возникающей в этих условиях общественной потребности в гармонизации межэтнических отношений. Автор выделяет положительные и отрицательные аспекты глобализационных процессов на этой территории: с одной стороны, под влиянием глобальных процессов наблюдается трансформация общества, молодое постсоветское поколение социализируется в общемировом пространстве. С другой стороны, глобализация, приводящая к интенсификации контактов между представителями разных этносов, сопровождается повышением этнической идентичности, часто перерастающим в конфликты, что, несомненно, требует политико-правового регулирования межэтнических коммуникаций.

**Ключевые слова:** глобализация, этнос, межэтнические отношения.

**Abstract:** This article is devoted to the analysis of the influence of globalization on the development of the post soviet states and public requirements arising from these conditions for harmonization of interethnic relations. The author allocates the positive and negative aspects of the processes of globalization on this territory. On the one hand, the society transforms under the influence of global processes and the young post soviet generation is socialized in the worldwide space. On the other hand, globalization, leading to the intensification of the contacts between representatives of different ethnic groups, is accompanied by the increase of ethnic identity that often becomes a reason for conflicts. Such situation, in its return, undoubtedly, demands the politic and legal regulations of the interethnic communications.

**Key words:** globalization, ethnos, interethnic relations.

Современная социокультурная ситуация в мире характеризуется расширением взаимосвязи все большего количества стран и народов: в наше время практически невозможно найти этнические общности, не испытывающих воздействие извне. Электронные средства связи, средства массовой информации в условиях, называемых глобализацией, сделали возможным обмен культурными образцами в широчайших масштабах и с огромной скоростью. Под **глобализацией** мы понимаем взаимодействие государств, народов, этносов в единой системе отношений на планетарном уровне, систему открытого культурного обмена, заимствования образцов поведения и адаптацию культурных стереотипов, расширение границ общения во всех сферах человеческой деятельности.

Однако, открывая огромные возможности для взаимовлияния и взаимного обогащения культур, глобализация, по оценкам наблюдателей, может способствовать унификации массового сознания, духовному нивелированию некоторых этносов. Общественность в различных странах мира требует обеспечить более тщательное и сбалансирован-

ное освещение международных событий в транснациональных СМИ, учитывая реальное многообразие современного мира. Идеи обеспечения «экологии информации», развития общественного мониторинга средств массовой информации находят все больше сторонников, в т. ч. и в нашей стране.

В этом аспекте необходимо рассмотреть и другое явление, тесно связанное с термином «глобализация» — «этническая идентификация». Первое понятие связано с приведением к единообразию жизни в различных странах, космополитизму и стандартными «моделями жизни» человечества, проблема этнической идентичности, наоборот, связана с усиливающимся стремлением людей сохранить свою самобытность, укрепить традиционное национальное самосознание. Одним из способов достижения этого является обращение к прошлому, историческим корням, поиск первородной основы в традиционном образе жизни, в традиционных символах, праздниках и ритуалах. При этом проводится четкая разграничительная линия между «своими» и «чужими», теми, кто якобы «ответственен» за все существующие в обществе проблемы.

Действительно, национальные и этнические проблемы являются сегодня одними из наиболее острых и болезненных. Неслучайно во всем мире страны стараются защитить свое этническое, национальное, религиозное и культурное своеобразие. Даже, казалось бы, в относительно политически стабильной Европе в конце XX века были приняты программы по защите чистоты национального языка. Это явление, получившее название «этнического парадокса», стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации. Между тем, несмотря на мощные интегративные тенденции, наступающий универсализм не вытесняет индивидуализм, а лишь дополняет его. Особую значимость приобретает проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным отношением к различиям (в т. ч., этническим), что особенно актуально сегодня для постсоветских стран.

Часто можно слышать, что именно глобализация привела к кризису и последующему развалу СССР. Мы разделяем позицию В. Ф. Галецкого, который считает, что подобные мнения представляют собой глубокие заблуждения: «Советский Союз был изначально глобалистской державой и одним из важнейших субъектов глобализации. Он изначально проектировался как государство — базисный элемент всемирной интернациональной коммунистической системы. На всех официальных газетах и журналах можно было прочесть лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [2, 104]. К тому же, открытия в научно-технической сфере, реализация советской ядерной и ракетной программ делались не без использования передового мирового опыта; наконец, советская экономика зависела от мировых цен на нефть, именно их благоприятная конъюнктура позволила обеспечить приемлемый уровень жизни в стране вплоть до середины 1980-х годов.

Таким образом, в течение всего времени своего существования Советский Союз, так или иначе, был интегрирован в мировое сообщество, существовал и функционировал в условиях глобализации, в т. ч. пользуясь предоставляемыми ею возможностями. Распад системы стран социализма, по мнению многих исследователей, лишь совпал с началом новой фазы глобализации. Общемировой тенденцией стал нарастающий курс к регионализации государственного устройства. По прогнозу Лондонского института стратегических исследований, «XXI век может оказаться столетием повсеместных этнических конфликтов. Сейчас около

3000 этнических групп в разных странах недовольны своим положением и стремятся к созданию своих государств с изменением существующих границ» [7, 201].

В СССР идентификация населения как отделение себя от других привела к тому, что решение всех накопившихся проблем виделось исключительно в образовании новых независимых государств. Однако ломка существовавшей системы ценностей и непростое развитие новой на рубеже веков привели к появлению характерного чувства незащищенности у огромного количества людей на этой территории. Потеряв бывшие точки опоры, они оказались перед проблемой выбора новых ориентиров. И все же этот тяжелейший период социальной драмы рассматривается нами не только как время потерь, кризиса и разрушившихся социальных связей, но и как процесс выделения нового вида общностей, вырабатывающих и развивающих для себя новейшие цели и ценности, что проявилось в т.ч. и в повышенном внимании к этнической идентификации.

“Потребность в связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества» является, по Э. Фромму, одним из основных потребностей человека и достигается путем самоотождествления с какими-либо идеями, ценностями, социальными стандартами, т. е. путем формирования социальной идентичности. «Индивид перестает быть самим собой: он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные» [9, 159].

Данный факт столкновения двух противоположных тенденций общественного развития — тенденции стереотипизации и универсализации общественных связей с тенденцией всесторонности включения человека в общественную практику, стал предметом научной рефлексии конца XX века. Однако в теории этноса до сих пор не существует четкого определения структуры этнического самосознания. Вычлененные компоненты детерминированы толкованием его содержательных характеристик. Известный ученый, академик РАН Ю. В. Бромлей выделил, к примеру, два понимания обсуждаемого термина. В узком значении слова он считал возможным понимать под этническим самосознанием отнесение человеком себя к тому или другому народу, а в широком значении понималось не только самоотнесение к национальности, но и представление о ней, ее языке, культуре, истории, территории и государственности.

События конца 1980-х — начала 1990-х годов XX века на советском, впоследствии постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию этничности и ракурсы интереса. Этническое самосознание стало чаще называться идентичностью, как на Западе, хотя некоторые социальные психологи все же разъединяют эти понятия, акцентируя в самосознании социально-политические, а в идентичности — культурно-психологические составляющие. Т. е. в формировании этнической идентичности существенную роль играет не столько объективная социальная реальность («переходность» общества, этнические конфликты), сколько — ряд субъективных факторов, таких как уровень образования индивида, например. С развалом Союза в процессе образования суверенных государств и формирования новых обществ, большая часть населения со сложившимся на протяжении веков коллективизмом и авторитарной моделью мышления, в условиях глобализации, оказалась в состоянии кризиса этничности, прореагировав на ощущаемую угрозу повышением межэтнической напряженности и усилением внутригруппового единства. Потребность выйти из состояния упадка развила тягу к сильному государству и даже к «сильной руке», что явилось питательной средой для националистических и шовинистических настроений части населения.

Таким образом, здесь, несомненно, просматривается двойственная роль глобализации в развитии событий на территории бывшего СССР: с одной стороны, под влиянием общемировых процессов трансформируется и модернизируется общество, выстраиваются новые отношения, формируются другие цели и ценности. За прошедшие годы уже выросло новое, совершенно иное поколение людей, практически не связанное никакими узами с советскими идеалами. Как бы не стремились власти некоторых постсоветских государств обособиться, закрывая свои границы, в любом случае они не могут полностью изолироваться от остального мира. Население, особенно молодые люди, живо воспринимают и заимствуют новые веяния во всех сферах жизнедеятельности, социализируются наравне с другими.

С другой стороны, глобализация, приводящая к интенсификации контактов между представителями разных этносов, стала сопровождаться конфликтами, принимающими достаточно острые формы, что можно объяснить также модернизацией общества. «Бурные изменения, вызываемые

трансформацией экономики (новое разделение труда и т. п.), социальной жизни (урбанизация, современная система образования), политики и т. д., сопровождаются более медленными изменениями в сфере регуляторов человеческого поведения, приспособляющих его к внешним условиям, в сфере культуры. Ценности и установки, определяющие поведение в условиях традиционных локальных культур, порождают конфликты с реалиями, вызванными современным социальным развитием» [1, 327].

В некоторых постсоветских государствах стали нарастать внутренние противоречия — реализация права на национально-территориальное самоопределение породила множество конфликтов, так как здесь не существовало ни одного мононационального государственного образования (за исключением Армении, где численность иноэтничных групп не превышала 3—4 % населения). Однако необходимо заметить, что корни большинства межэтнических конфликтов питает нерешенность социально-экономических проблем. Явным стал дисбаланс в развитии различных регионов, неравномерность социального положения людей даже внутри одного общества. Бедность, безработица, ограниченный доступ к ресурсам, социальная неустроенность, низкий уровень грамотности порождают жесткий ответ, принимающий острые конфликтные формы — от экстремистских действий до террористических актов в отношении представителей других народов.

К тому же нестабильность обстановки в ряде бывших советских республик, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, бытовой национализм и нетерпимость к нетитульному населению, дискриминация по национальному признаку, вероисповеданию, языку, политическим убеждениям явились главными стимулирующими факторами массового притока вынужденных мигрантов в Россию [8, 139]. Первоначально вынужденная миграция в Россию была обусловлена событиями в Баку и Нагорном Карабахе. В дальнейшем число чрезвычайных факторов, вызывающих «стрессовую миграцию» увеличилось, расширилась география таких территорий: открытый осетино-ингушский конфликт, возникший во многом как результат поспешной и непродуманной политики по реабилитации репрессированных народов; до сих пор не решена проблема взаимоотношений Южной Осетии и Грузии, Абхазии и Грузии. Беспокоят общественность также конфликты и предконфликтные ситуации в

полиэтническом Дагестане, в Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкессии. Элементарным и наиболее действенным выходом из этой сложившейся ситуации для большинства людей выступает миграция как единственный способ сохранить жизнь, имущество, единственный путь к сохранению человеческого, гражданского, национального достоинства.

Сегодня во многих, даже развитых странах наблюдается рост антииммиграционных движений, которые часто носят расистскую или националистическую окраску. Основной причиной таких движений, с точки зрения А. В. Дмитриева [3, 324], выступает боязнь того, что глобализация вызовет реструктуризацию экономических и социальных отношений в обществе. Иммигранты становятся мишенью для нападок как наиболее очевидный признак ухудшающегося положения, в то время как истинные причины недовольства не лежат на поверхности, они многолики и зачастую трудно поддаются влиянию. С другой стороны, проблема кроется и в самих этнических меньшинствах. Порой их маргинальное положение способствует еще большей сплоченности и может принять формы сепаратизма и фундаментализма, которые обычно являются результатом изоляции и расизма.

Особую проблему в миграционных процессах на постсоветской территории составляют взаимоотношения доминирующего этноса региона и этнических меньшинств, специализирующихся в сфере торговли. В этом смысле особая роль кавказских и китайской диаспор в современной России — не исключение. Ярким примером тому могут служить, например, сентябрьские события 2006 года в маленьком карельском городке Кондопога, жители которого требовали от власти выселить из города «лиц кавказской национальности».

Одно их существование становится мощнейшим конфликтогенным фактором. Достаточным основанием для трений и недоразумений выступает социокультурная чужеродность меньшинств. Иной облик, стиль жизни, тип поведения, религия, язык и традиции часто воспринимаются как угроза.

В свете подобных настроений нередко проблема «торговых меньшинств» используется в тех или иных целях в качестве эффективного политического инструмента. Так, осенью 2006 года Федеральная миграционная служба РФ ужесточила надзор за трудовыми мигрантами из Грузии. По заявлению заместителя главы этого ведомства В. Поставнина, большинство грузинских трудовых мигрантов на-

ходятся в России нелегально, поэтому в их отношении были применены усиленные меры. Однако чиновник признал, что повышенное внимание к грузинам вызвано политическим решением в свете грузино-российского конфликта. В связи с этим Россия приостановила транспортное и почтовое сообщение с Грузией; граждане Грузии были лишены квот на проживание и трудовую деятельность в России, предоставляемых им ранее.

Отсутствие четко определенной единой стратегии в области миграции значительно углубляет эту проблему. Стремясь изменить сложившуюся ситуацию, связанную с «нелегальной иммиграцией», государство принимает различные законодательные акты, которые ведут к новому витку напряженности, к искусственной политизации этничности. Ярким примером могут служить принятые в 2007 году Федеральные законы «О розничных рынках» и «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», в соответствии с которыми максимально допустимая доля квотирования иностранной рабочей силы на рынках не может превышать 40 %, с апреля этого же года вступило в силу постановление Правительства России о запрете мигрантам торговать на рынках. Предполагалось, что такие меры принимаются в целях защиты местных товаропроизводителей. Однако, по оценкам экспертов, данные меры привели лишь к опустению прилавков и существенно — к повышению цен.

Очевидно, что государству пока не удастся поставить под жесткий контроль миграционные потоки. С другой стороны, в свете современного демографического кризиса в России, по нашему глубокому убеждению, несмотря на все усилия государства по стимулированию рождаемости в стране, замедлить или прекратить сокращение населения России может только реализация стратегии активного привлечения иммигрантов. В этих целях российскими властями уже выделены двенадцать пилотных регионов, в которые активно привлекаются люди на постоянное местожительство. К тому же граждане некоторых стран СНГ, к примеру, Казахстана и Кыргызстана, имеют возможность получить российское гражданство в упрощенном порядке. Для стабилизации численности населения России необходимо сейчас обеспечить высокие объемы миграции в Россию. При такой стратегии этнический состав населения России, естественно, видоизменится.

Очень важно в такой ситуации создать более позитивную атмосферу в общественном мнении

по вопросам миграции, укреплять доверие между представителями различных этносов. В этом плане целесообразно предпринять усилия в самых разнообразных формах по распространению этнокультурных знаний и развитию этнокультурной компетентности этнических мигрантов и принимающего населения. Отсюда все более явной становится проблема **гармонизации межэтнических коммуникаций**, интеграции различных этнических групп в полиэтническое сообщество с целью сохранения их культурной самобытности и поддержания внутренней целостности таких сообществ, изучения различных форм мирных взаимодействий различных этносов с целью решения стоящих перед обществом проблем.

В качестве основополагающих моментов этого многофакторного, многоуровневого и полисубъектного социального процесса выступают равенство этнических групп в правовом отношении; преобладание в общественном сознании установок на межэтническое сотрудничество; институционализация отношений межэтнической кооперации в виде различных форм социального партнерства; идеологический консенсус в отношении национальной политики и этническая толерантность как значимая характеристика межгрупповых связей.

Регулирование подобных отношений может принимать различные виды и формы. В качестве основных субъектов обычно выступают разнообразные социальные и политические структуры: сообщества, группы, организации, партии. Наиболее результативным, по нашему мнению, является политико-правовое регулирование этих отношений со стороны органов власти разного уровня (федерального, регионального) во взаимодействии с этническими и конфессиональными организациями. В отличие от спонтанно действующих, порой неочевидных социокультурных факторов, для политико-правового регулирования межэтнических коммуникаций характерны рациональность, контроль и целостное воздействие на процессы.

Модельным в некоторой степени в этом аспекте можно признать сегодня технологический опыт казахстанских властей по сохранению межэтнического мира и согласия в обществе. По мнению авторитетного британского исследовательского центра World Markets Research Center, из всех стран СНГ уровень террористической угрозы в Казахстане отнесен к разряду самых незначительных. «Государство, безусловно, играло, и будет играть важную роль в поддержании и укреплении межэтнического согласия. Но при этом нужны дополни-

тельные общественные механизмы регулирования межнациональных отношений» [7].

Существенную роль в этом играет Ассамблея народов Казахстана, созданная в 1995 году. За прошедшее десятилетие эта организация стала действенным механизмом по поддержанию баланса различных интересов и укреплению общественного согласия казахстанцев. Сегодня в Казахстане проживают 130 этносов со своими верованиями, обычаями, менталитетом (47 % граждан не являются представителями т. н. «титульной нации»). Объединяя все национально-культурные центры и всех представителей этнических меньшинств, населяющих страну, АНК РК носит статус консультативно-совещательного органа при Президенте Республики.

Вертикаль малых ассамблей народов Казахстана, выстроенная по всей стране, является своего рода диалоговой площадкой между властью и этническими элитами. «Государство поддерживает деятельность 470 национально-культурных организаций, около 20 национальных газет, радио — и телепрограмм, 6 национальных театров. Такого практически нет ни в одном государстве мира» [5, 4]. По мнению Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева «Необходимо полнее использовать этот потенциал для укрепления единства между народами Казахстана, ... двигаясь по пути демократизации, мы должны быть готовы к тому, чтобы своевременно снимать любое возможное межэтническое напряжение в обществе» [6].

С точки зрения мультикультурализма отдельные страны СНГ, где иммиграционный приток населения пересекается с процессом конституирования нации коренными этническими группами, могут выступать также как мультинациональные. Формирование национальной (надэтнической) идентичности и нации обуславливает при этом признание равенства культур большинства населения и этнических меньшинств, а также их дальнейшее совместное развитие. Осознав немалую опасность последствий «этнических вспышек», стремясь снизить актуализацию этнических процессов, российские власти в последнее время стали акцентировать идею дрейфа этнической идентичности и переключения внимания населения страны с этнической на государственную — российскую идентичность, что в некоторой степени также содействует гармонизации межэтнических коммуникаций населения. Сегодня, когда государство укрепляет «вертикаль власти», а общество находится в процессе стабилизации и консолидации вокруг попу-

лярного лидера, угроза сецессии отдельных территорий практически миновала, и перед обществом встали новые проблемы — борьба с ростом ксенофобии и экстремизма. В этих новых условиях стала востребованной гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

Необходимо отметить, что если на Западе государственная идентичность практически совпадает с гражданской, то в России, в силу сложившихся исторических событий, важно различать государственное и гражданское самосознание. Государственная (российская) идентичность, которую активно отстаивает директор института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, складывается значительно проще и быстрее, чем гражданское самосознание. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, посылающими народу идеи, трактующие государственность, державность. Контролируя большинство СМИ, обладая возможностью влиять на образовательную систему, сделать это возможно в достаточно короткий период времени. За последние пятнадцать лет в этом направлении приложено немало усилий, и, надо отметить — небезуспешно.

Намного сложнее оказывается, по мнению Л. М. Дробижевой [4, 13], формирование гражданского самосознания, так как оно связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностьную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Выделение и различие государственного и гражданского сознания в России сегодня еще только начинается. Чаще всего желаемая Россия в глазах населения — это страна с преимуществами Запада (*благополучно живущее большинство населения, рациональное использование ресурсов, порядок в организации труда*), но отличная от него (*у нас свои ценности, общество должно быть более справедливым, не должно быть бедных, сохранить культуру, протест против примитивизма массовой культуры, считающейся пришедшей с Запада*).

Одна из ведущих черт образа — внешнеполитическая составляющая: отношение с Западом, НАТО, проблема стратегии, которой мы должны придерживаться (дружба / изоляция, наступление / договор), что часто «разогревается» властью. Превалирующим все же в определении желаемого образа выступает Россия с политикой прагматизма. Неко-

торая настороженность к соседям сочетается с надеждой на развитие сотрудничества в целях экономического благополучия и сохранения мира.

Внутреннее содержание образа соединяет представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием, которым гордятся, и одновременно «попранном достоинстве», потерях и ущербах от войн, перестройки (*комплекс неполноценности*). В этих внутренних описаниях значительное место занимает «образ врага» (*давит Запад, приехало много мигрантов — «понаехали»*). Негативная эмоциональная подпитка образа вызывает оборонные, а иногда и агрессивные ориентации россиян по отношению к «иным».

Таким образом, когнитивное наполнение государственной (*в данном случае российской*) идентичности в некоторых моментах совпадает, а в некоторых отличается от этнической. Если этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом и территории, то российская — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности и т.д. Когнитивное наполнение той и другой идентичности дополняет лишь друг друга, что дает основание говорить о совместимости данных идентичностей. Тем не менее, эта совместимость возможна только при определенных условиях: государству следует выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании всех населяющих его этнических сообществ. Однако, в стране, в которой русские составляют большинство (около 80 %), государственная идентичность все же не может не опираться на этническую идентичность большинства. Чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для всех других этносов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям; культура большинства должна быть не только внутренне богатой, но и воспринимаемой всеми остальными — тогда все они будут заинтересованы в ее сохранении как общем достоянии. «Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору могло бы как раз стать цементирующим государственную и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны», — пишет Л. М. Дробижева [4, 28].

Чрезвычайно важным нам представляется и следующий фактор: этническое единение возникает не только стихийно, но и формируется целенаправленно. Даже не разделяя крайних точек зрения о том, что этнос полностью конструируется элитой, все же необходимо признать: вера в естественные связи между членами этнической группы имеет большее значение, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса, единой культуры, религии и т. д.

В современной России государство завершает выстраивание политической и экономической вертикали и крайне нуждается в идеологическом обосновании своей доминирующей роли. При этом наиболее вероятным ресурсом мобилизации общества выступает искусственное конструирование внутренних и внешних врагов (*международный терроризм и т. п.*). Идеализация «великой державы», концентрация на тенденциозно истолкованных образах прошлого рассматриваются как средство для решения политических и экономических задач. Идеологически этот процесс освящается лозунгом стабильности и умеренным этатистским национализмом. При этом национализм проявляется не как прямая проповедь превосходства русских, она неявно присутствует в элементах кавказофобии и антизападничества (*и наиболее частом его проявлении — антиамериканизме*).

Сегодняшние отношения США и России развиваются в духе холодной войны, — пишет Стивен Ф. Коэн [10, 2]. Все экономические достижения, о которых говорит российское правительство, в основном связаны с высокими мировыми ценами на энергоносители. В случае неожиданных потрясений, как предостерегают многие аналитики, в стране могут произойти новые акты межэтнического насилия или террора, и в России может разразиться еще более жестокий кризис. К тому же в странах, граничащих с Российской Федерацией, немало противоборствующих этнических и религиозных групп и любая нестабильность в России может с легкостью перекинуться на весь окружающий ее регион. И все же, по мнению Коэна, нефтедоллары способны обеспечить в России некоторую стабильность, но при этом основываться она будет на авторитаризме, национализме и ксенофобии.

Однако главным виновником этих проблем Коэн называет не столько Россию, сколько США. Усиливающееся окружение России военными базами НАТО вдоль ее границ; несогласие признать

за ней национальных интересов за пределами ее территории, даже в этнически родственных или территориально прилегающих к ней бывших советских республиках вроде Украины, Беларуси и Грузии; и, наконец, попытка добиться ядерного превосходства, которого им не удалось достичь в советские времена, провоцируют Кремль на ответные шаги.

Продвижение НАТО до самого российского «порога» уже обострило российско-американские отношения; присоединение к этому блоку Украины, которой Москва придает огромное значение, как с точки зрения славянской идентичности, так и в плане обороны, может стать необратимым шагом. Тем более против вступления в НАТО выступают почти две трети украинцев. О его взрывоопасных последствиях можно судить по событиям в Крыму летом 2006 года, когда русскоязычные жители блокировали порт, куда прибыл корабль ВМС США с морскими пехотинцами на борту. В развитии этих событий основополагающую роль, по нашему мнению, сыграла временная «вспышка» этнического самосознания русских крымчан. Такой же протест населения, хотя и в более скромных масштабах, вызвало прибытие представителей блока в Одессу 4 июля 2007 года. Однако противостояние «гостей» и одесситов уже не получило широкой огласки не только в мире, но и в пределах страны.

Несомненно, каждое общество чтит и воспевает присущее ему и сдержанно относится к ценностям других обществ, стран и народов. Что оптимально одному человеку или сообществу, неприемлемо для другого. Совершенно естественно, что этнос как носитель своей этнической культуры не приемлет и не может относиться терпимо к попыткам ее подмены чужой ему культурой в рамках интенсивных глобализационных процессов, что порождает огромное напряжение во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Все это требует сегодня отказа от инокультурной агрессии, в т. ч. и в историческом прошлом, сохранения многообразия «коренных» локально-региональных этнических групп и их самобытности. Однако если настаивать на своей самобытности, исключительности и не заботиться о том, чтобы стать интересными всему мировому сообществу, появляется опасность остаться значимыми только в горизонте своих национальных ценностей и оказаться в состоянии культурной изоляции. Для лучшего восприятия себя она может воспользоваться теми же возможностями, какие предоставляет глобализа-

ция: она может тиражировать свой образ и «прийти к каждому». При этом воздействие на другую национальную культуру возможно только на наиболее поверхностных поведенческих сферах и оно должно быть не агрессивным, а гуманистически щадящим, дающим возможность определенного выбора. Неслучайно еще в 2000 году была принята Декларация тысячелетия ООН, где главной задачей объявлено обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Вассерман Ю. М.* Конфликт цивилизаций или модернизационный конфликт? / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Москва 30 сентября — 2 октября 2003 г. — М.: Альфа-М, 2003. — Т. 3. — 808 с.
2. *Галецкий В. Ф.* Население и глобализация / В. Ф. Галецкий, Н. М. Римашевская, А. А. Овсянников. — М., 2002. — 315 с.
3. *Дмитриев А. В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект / Конфликт цивилизаций или модернизационный конфликт? / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Москва 30 сентября — 2 октября 2003 г. — М.: Альфа-М, 2003. — Т. 3. — 808 с.
4. *Дробижеева Л. М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / [отв. ред. В. С. Магун]. — М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. — 358 с.
5. *Колесников С.* Власть способна побеждать кризисы / С. Колесников // Российская газета. — 2005. — 5 октября. — С. 4.
6. *Назарбаев Н.* Глобализация унифицирует мир и... обостряет национальный вопрос (речь) // КазИнформ. 24.12.2003. — (<http://www.centrasia.ru/newsA>)
7. Россия. Планетарные процессы / [под ред. В. Ю. Большакова]. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. — 752 с.
8. *Симонян Л. Ю.* Этнизация политики в посткоммунистическом мире: дис. ... канд. пол. наук, — Ставрополь, 2005. — 175 с.
9. *Фромм Э.* Человеческая ситуация. — М.: Смысл, 1995. — 353 с.
10. *Cohen F. Stephen.* The New American Cold War / Cohen F. Stephen // The Nation. — 2007. — 18 June. P. 2.